

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

© 2008 г.

М.А. Казаков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 15.04.2008

Рассматриваются актуальные проблемы национальной культуры, дается социокультурное обоснование инновационного развития России.

Ключевые слова: национальная культура, повседневный опыт россиянина, модернизация, инновация, инновационное развитие, мотивация, гуманистически ориентированные ценности.

Государство существует и развивается как процесс постоянного подтверждения готовности наций к единению. В нем элиты и лидеры – генераторы социальной энергии и ядра консолидации [1].

Закономерно, что в своем выступлении «О стратегии развития России до 2020 года» на расширенном заседании Госсовета 8 февраля 2008 г. Президент РФ В. Путин поставил программную для всех задачу: к 2020 году принципиально сменить экономическую модель страны с сырьевой на инновационную. Судя по тому, что национальный лидер говорил о необходимости развивать человеческий капитал, это должно привести к заметным общественным инновациям. Нетипично то, что фактически впервые за четверть века государство за обоснованием своих действий обращается к национальной культуре.

Вопрос: *если государство стремится опираться в своей деятельности на определенный комплекс ценностей, то что во встречном движении может «предложить» современная российская культура?*

Национальной культуре в осознании реальных политических процессов придается все возрастающее значение. Помимо формационных и общецивилизационных особенностей политическая культура каждого народа имеет и неповторимые национальные черты, порожденные отличиями его истории, культуры и психологии. Ныне национально-политическая культура все больше обогащается актуальными смыслами, производными от «культуры» как особого многополюсного и многоуровневого явления, противопоставляемого природе и выражающего целостность жизненных проявлений общества.

В силу того, что политическая, духовная и другие культуры имеют свои специфические

измерения социокультурной среды в конкретном обществе, национальная культура выступает некоей интегральной характеристикой поведения конкретного народа, особенностей его цивилизационного транзита. Она выражает сложное движение присущих данному народу традиций и инноваций в разных сферах и системах, их воплощение и развитие в современном контексте, влияние на условия формирования будущего.

Национальная культура (НК) изначально сводит воедино три времени: прошлое, зафиксированное в верованиях и традициях; настоящее, отражаемое в нормах и установках реального социума; и будущее, совмещающее желаемое и должное, вероятное и возможное. Вбирая в себя различные типы и разновидности, национальная культура претендует быть символом обобщенной картины всего субъективного мира конкретной страны, государства. Несмотря на то что практически всеми учеными национальная культура ассоциируется с наличием систем ценностей и мотиваций, с совокупностью способов и приемов людской деятельности, для многих из них, включая и автора, данное понятие первично выражает «генетический код» народа, вовлекающий человека в общественную жизнь и обеспечивающий в привычных для него формах социальный и политический порядок.

Так понимаемая национальная культура близка собственно политической культуре общества. Последнюю можно рассматривать как символическую систему, охватывающую политические традиции, политические нормы и ценности, политические идеалы и проекты будущего [2]. Или, операционально синтезируя термины: *национальная политическая культура*

это все позитивно значимое в развитии страны.

Однако если субъект руководствуется идеями, пренебрегающими ценностью человеческой жизни, чувствами неприязни и ненависти, ориентируется на насилие и физическое уничтожение другого, распадается сама ткань политической культуры [3]. Ее дискретность особенно возрастает, когда политическая элита и тем более официальный лидер встают на расистские, террористические, по сути провокационные по отношению к современности позиции. В этом случае в сфере власти и публичной политики подлинно культурные, гуманистические ориентиры и процедуры участия подменяются и уступают место иным способам политических взаимоотношений, выхолащивающих национальную специфику.

Сегодня в мире распавшиеся и отпущенные на волю крайности экономико- и этноцентризма взаимодействуют в разрушении основ цивилизации. Общим этим крайностям сопутствуют признаки вырождения: в первом аспекте – откровенный аморализм и социал-дарвинизм, сговор элит за спиной неадаптированного большинства, во втором – агрессивный фанатизм и политическая конфронтационность, жесткое деление на «своих» и «чужих».

Россия в трудные 90-е XX столетия в равной мере испытала разрушительное влияние и псевдолиберального рынка, и регионального сепаратизма. Но в большей степени, чем инфляция, коррупция, преступность, «опустила» страну безответственность бизнеса и государственного управления, заключивших тогда более хищнический, чем номенклатурный, олигархический союз. Именно *олигархический подход к политическому режиму* являлся определяющей чертой российской политической жизни тех лет, вытекающий из отождествления права и информации, собственности и власти.

Устраняя эту опасную связь, трансформируя государство, не следует упускать из виду, что и общемировая практика не подтвердила тезиса о том, что деятельность элит непосредственно определяется интересами населения. Политику формируют скорее не требования масс, а согласованные интересы элитарных групп, не отрывающихся, впрочем, абсолютно, как ранее, от потребностей социальных слоев. Но если перемены в политическом курсе страны в основном осуществляются изнутри этой управляющей подсистемы, то его

преимственность обычно связана с определенной удовлетворенностью социальных нужд и чаяний. Это свидетельствует о том, что в обществе складываются благоприятные предпосылки для снятия противоречия между интересами элитарных и неэлитарных групп.

Учитывая эти обстоятельства, можно констатировать, что если в 90-е годы XX в. пространство национальной культуры, обуславливающее деятельность институтов власти и участие граждан в политике объективно *сужалось*, то уже в первом десятилетии нового века (во многом благодаря влиянию комплекса действенных процессов) в ней сформировалась *тенденция к расширению зоны своего реального существования*, отражающая, в свою очередь, и реакцию самой национальной культуры, находящейся в поиске выхода к современности.

В выборе индикатора перемен национальной культуры, призванного снять крайности псевдолиберализма и этноцентризма, нет нужды в полемике с их представителями. Если мы говорим о ней как о работающей системе ценностей, мотиваций, норм и проектов будущего, то и обращаться следует к *повседневному опыту современного россиянина в формате текущего политического курса*. Именно в человеке и его эмпирической реальности следует находить как сами основания, так и вытекающую из них обусловленность (обоснованность) инновационного развития России.

Для этого требуются две методологические стратегии. Первая из них связана с выбором комплекса ценностей, определяющего востребованный логикой социального бытия и современными вызовами тип национально-политической культуры. Для этого следует использовать такую классификацию культур в российской политике, как экономикоцентризм, социоцентризм и этноцентризм. Каждый из этих типов объединяет в некое целое известные когнитивные, мотивационные, нормативные и проективные установки, отличающиеся от соответствующих характеристик других культурных типов [4].

Вторая стратегия не только и не столько методологическая, сколько концептуальная. Она связана с достижением компромисса интересов на текущей стадии развития отечественного социума, осуществляющего переход к консенсуальному типу политической культуры, который отмечен некоей сплоченностью населения на основе ведущих ценностей, целей, стоящих перед государством

и обществом. И здесь ориентиром может служить речь В. Путина «О стратегии развития России до 2020 года». Это не только целостный по глубине и проработанности актуальных проблем документ, но и весьма своевременный проект. В нем ставится и серьезная технологическая задача: как достичь компромисса интересов и согласования различных ценностных позиций на пути к инновационному обществу. В том числе и поэтому выступление главы государства в равной мере обращено и к элите, и массам. Оно призывает к прямому участию в судьбе России всех граждан. Главная «несущая» речи Президента – *принципиально новый социоцентризм*, продуцирующий *способность страны к нововведениям, а значит – лидерству*.

Социоцентризм Путина – это и национальная культура, реальная и многополюсная, находящаяся в плену различных «измов» и ищущая выход к современности. Это и социальная инфраструктура – повсеместная и достойная россиян. Это, безусловно, и сам человек, гражданин с его действительно обеспеченными правами и мотивациями солидарности, сотрудничества и ответственности. Вне развития каждого из этих оснований нет ни инновационной экономики, ни инновационной армии, ни самоорганизации гражданского общества [5].

Повседневный опыт современного россиянина, как и сам тип культуры, свойственный социоцентризму, разнообразен. В нем, следуя первой методологической стратегии, можно выделить, во-первых, определенный ценностный комплекс, объединяющий когнитивные, мотивационные, нормативные и проективные установки; во-вторых, условия человеческой активности как реакции на перемены окружающей действительности. В этом случае различают макросоциальный уровень, максимально удаленный от повседневности; микросоциальный, или коммунитарный, в котором человек выступает как участник малых групп, и индивидуальный, где человек предоставлен самому себе.

Не углубляясь в драматургию революций «модерна» и «постмодерна», практически подавивших срединный уровень, оставив индивида один на один с отчужденным от него миром, следует сделать нелицеприятный вывод. *Национальной культуре «потребовались» страшные для незлитарных слоев 90-е гг., чтобы в ней вызрели предпосылки нынешней*

модернизации. Осознавая это и реализуя ее план, «мы руководствовались главным принципом, – говорит Путин, – восстановление России нельзя вести за счет людей, ценой дальнейшего ухудшения их жизни» [6, с. 1].

Еще одно замечание о реалиях модернизации соотнесем с анализом постсоветского развития индивида, преодолением им *посттоталитарного синдрома*. Он проявлялся в следующих процессах: 1) преувеличении роли спонтанных предпочтений; 2) дистанцировании от социальных институтов; 3) наступлении ценностного раскола и идеологического безверия; 4) информационном и коммуникационном плюрализме; б) протестах против явной унификации, насилия и «нажима сверху».

В свою очередь, успешная модернизация требует создания широкой социальной опоры, роста «среднего класса», общей системы ценностей, что напрямую связано с доверием центральной власти, ее умением «наводить порядок», доходчиво объяснять населению выгоды нововведений. Сама жизнь становится процедурой открытия заранее никому не известного, т.к. никто не знает, какой именно опыт будет затребован завтра. Реально существующие культуры поэтому инициируют преобладание будущего над прошлым, проекта над традицией.

Даже те, кто свое участие в политике объясняет стремлением защитить завещанные отцами ценности, на самом деле проблематизируют и опыт конкретного россиянина, и бытие страны в целом, как находящиеся перед вызовом дня завтрашнего. И если сегодня мы живем в условиях, значительно отличающихся от сложившихся даже десять лет назад, то выработка адекватной стратегии будущего становится более выгодной даже по отношению к нынешней жизни. «Главное, чего мы добились, – стабильности, – констатирует Путин, – которая позволяет строить планы, спокойно работать и создавать семьи. Вернулась уверенность, что жизнь будет и дальше меняться к лучшему» [6, с. 2].

В культурном плане это прежде всего означает *заметное преодоление гражданами страны кризисов адаптации, идентификации, ориентации и участия; постепенное возвращение россиян к некогда главному, микросоциальному уровню человеческой активности.*

Теперь обратимся к другой классификации политической культуры, позволяющей

рассматривать опыт человека через ее функции: *когнитивную*, связанную с пониманием современного мира, истолкованием его реальностей и противоречий; *мотивационную*, связанную с особыми, прочувственно окрашенными стимулами политического поведения; *нормативную*, воплощающую культурные представления о должном и престижном; *проективную*, отвечающую на вызовы будущего и связанную с представлениями о лучшем обществе.

Если ранее в национальной культуре мы делали акцент на своеобразном генотипе, который в условиях изменчивой среды берет на себя роль маяка, то на данной стадии развития общества символическая система все более отстает перед *человеком самоопределившимся* как в отношении настоящего, так и будущего. Это в непротиворечивом состязании с культурным кодом выводит на первый план *процедуру выбора в альтернативной ситуации*. Каков же этот выбор?

Единственной реальной альтернативой инерционному, энергосырьевому сценарию развития России является стратегия инновационного развития страны, опирающаяся на одно из наших главных конкурентных преимуществ – на реализацию человеческого потенциала [6, с. 2]. В этих словах Президента мы имеем и вектор выбора, и ориентации относительно гаранта его воплощения.

Осознание их *в рамках когнитивной функции культуры* означает наличие в умах россиян такого конструкта, который не разрывает экономику, политику и нравственность, а позволяет осознать их взаимозависимость в границах нерасторжимого целого, называемого *социальностью*. Она обращена к ним и требует не только от конкретных сфер, но и от каждого индивида помнить о приоритетах развития. Их венцом является безопасность и благополучие всех людей, понимание ими собственных возможностей при реализации прав и свобод в политической и экономической системах страны.

В этом ключе важен вывод главы государства, когда он говорит о надлежащих переменах в сферах образования, науки, здравоохранения, демографии, политике поддержки семьи и создании высоких жизненных стандартов: «...развивая человеческий капитал, мы должны опираться на все богатство российской культуры, на ее уникальные достижения и традиции». И далее:

«Все это в целом (т.е. комплекс мер и потенциальных возможностей. – М.К.) и есть общество реальных и равных возможностей, общество без бедности и гарантирующее безопасность каждого человека. К формированию такого общества мы должны стремиться и, уверен: мы в этом преуспеем» [6, с. 2].

Такая убежденность *в рамках мотивационной функции культуры* раскрывает понимание органической природы инновационного общества, при переходе к которому необходимо открывать и создавать новые социальные связи и отношения. Подобную уверенность выражает в своих выступлениях и Д. Медведев. Образуя уникальный тандем, оба лидера пытаются донести до каждого россиянина правильную оценку «человеческого капитала», не сводя его лишь к уровню знаний, здоровья и квалификации наций.

Еще Ф. Фукуяма отмечал: помимо них «человеческий капитал – это в определенной степени и способность людей общаться друг с другом, что имеет важнейшее значение не только для хозяйственной активности, но буквально для всех аспектов общественной жизни... Поэтому либеральная демократия, возникшая в «конце истории», не является «современной» в полном смысле. Чтобы институты демократии и капитализма могли действовать эффективно, они должны сосуществовать с определенными досовременными культурными устоями» [7].

Национальная политическая культура раскрывается на мотивационном уровне как прочувствованная реконструкция более или менее устойчивых массовых установок. Своеобразным залогом их актуализации выступает сформулированный разными учеными и на языке нескольких наук закон возвышения потребностей, причем скорее вторичных, в реестр которых входят такие мотивации, как солидарность, участие, готовность к партнерству, благотворительности и состраданию.

Нетрудно заметить, что даже в выделенных аспектах функции национальной политической культуры постоянно пересекаются. Естественное желание исследователя их как-то обособить приводит к обратному результату. И этому есть объяснение. В процессе выбора своей современности национальная культура как «плавильный котел» внутренних столкновений и противоречий способна оказывать по крайней мере «тройное» влияние

на реальные социальные и политические процессы и институты.

Во-первых, под ее воздействием могут воспроизводиться традиционные для российского общества формы политической жизни. Во-вторых, она способна порождать новые для социума формы социальной и политической активности. И, в-третьих, комбинировать, «перемешивать» элементы прежнего и перспективного в социально-экономическом и политическом устройстве страны. В силу устойчивости ценностных ориентаций в общественном сознании такая возможность сохраняется как при изменении внешних обстоятельств и характера правящего режима, так и при их определенной стабильности.

Кроме того, в различные исторические эпохи функции культуры могут либо затухать, либо усиливаться. В нынешних условиях мы не только имеем пример последнего, но и *благоприятный для страны шанс дать выход нашим гуманистически ориентированным ценностям в современность посредством реализации инновационного сценария развития России*. И вплотную занимаясь конкретными направлениями социально-экономической и политической стратегии, сконцентрироваться на решении трех ключевых проблем.

«Первое: создание равных возможностей для людей. Второе: формирование мотивации к инновационному поведению. Третье: радикальное повышение эффективности экономики, прежде всего на основе роста производительности труда» [6, с. 2]. Для достижения заданных целей, помимо новых требований к госуправлению и бизнесу, принципиально важен и новый характер деятельности политической системы, прежде всего ее функциональной (политического режима) и нормативно-культурной подсистем, для чего необходим свежий диагностический инструментарий, результатом использования которого станет знание инновационных факторов, определяющих лидирующие позиции данных структур и организаций.

Возвращаясь к мотивационному уровню национальной культуры, уместно охарактеризовать его *системообразующим в структуре критериев, ориентированных на результативность построения инновационного российского общества*. Более того, чтобы подчеркнуть значение новой мотивационной структуры, можно представить ее реальной альтернативой *культурным ценностям псевдолиберализма и этноцентризма*. Задержка

страны в рамках энерго-сырьевого сценария в равной мере, как и пребывание в соответствующих ему культурных и идеологических клише, – это постоянное напоминание лишь временно отодвинутых угроз сепаратизма, терроризма, псевдолиберального интернационализма и этнократии.

Тандем двух лидеров – В.В. Путина и Д.А. Медведева – мощный инструмент мотивации к инновационному поведению российских граждан. Но для общественно-политических инноваций нужны оппоненты, критика, альтернативные школы и ясное понимание того, что инновационная культура развивается в конкретной интеллектуально-технологической и политической борьбе, мобилизуется в ответ на становящиеся все более откровенными вызовы развитию России.

России сегодня крайне важно, сохраняя достигнутые позиции, наращивать и свое международное влияние, и внутривнутриполитический потенциал как гарантии реализации нового сценария развития. Для россиян – это значимые стимулы к инновационному поведению, поразному эмоционально окрашенные в зависимости от того, где, условно, стоит флажок нашей суверенности, в Антарктиде или в межрегиональном пространстве.

И если В. Путин говорит о политике равноправия, позволяющей каждому региону иметь необходимые ресурсы для обеспечения достойных условий жизни граждан, комплексного развития и диверсификации экономики территорий, то Д. Медведев конкретизирует: «Для новой экономики нужен принципиально иной подход: экономика стимулов к инновациям, а не экономика директив. Это означает необходимость опоры на частную инициативу, на мотивацию к созданию и повсеместному внедрению технологических новшеств» [8].

Сами результаты участия российских граждан в построении инновационного общества становятся главным критерием. Коллективная инновационная деятельность, преумноженная стараниями всех россиян, выведет страну в лидеры. Если главным гарантом нововведений является народ, то для инновационного прорыва нужна не только его грамотность и самоорганизация, но и общие, регулируемые социальным государством интересы с элитой. И здесь проблем гораздо больше, чем представляется.

Многим из доказавших свое превосходство по критериям рыночной «морали успеха» не по

пути даже с наиболее адаптированными к инновациям социальными группами – научными и профессиональными слоями технической и гуманитарной интеллигенции. История между тем учит: готовность управляющих и управляемых сотрудничать в поддержании государственного единства должна быть обоюдной. Или за элиты в новом проекте пока работают национальные лидеры?

Противопоставляя элитаризму прежних режимов социоцентристские установки власти и общества, следует понимать, что для запуска национальной инновационной системы необходим целый ряд факторов, которые скрепляются не столько потенциями высшего

управления, сколько единением на основе общих политических и социальных ценностей. Только реальные социальные связи и отношения, насыщенные равными правами и благами, заряжают людей искомой энергетикой собственного обновления и доверительно го участия в нем.

Такая мотивированность и мобильность, возможные на пути органического синтеза национального своеобразия страны и мировых тенденций к демократизации крайне необходимы и во внутренней, и во внешней политике страны. Но если внутри страны трансформировать в этом направлении политико-культурные качества российского общества можно и нужно, прежде всего, через *реальные изменения гражданского статуса личности в эффективном государстве*, то на международной арене условностей гораздо больше, и потому крайне необходима *новая система глобальной безопасности*.

Современная национально-политическая культура в ответ на потребности инновационного развития, конечно, не может «в

одночасье» изменить свои характеристики, некоторые из которых показывают, что ее ведущие сегменты противоречат друг другу по своим базовым и второстепенным ориентациям. В то же время национальная культура вмещает в себя глубокий по истории формирования и широкий по накопленному позитиву пласт *гуманистически ориентированных ценностей. Они содержат набор проверенных временем представлений, который может функционировать как основа культуры инновационного общества и при этом позволит индивиду непрерывно обучаться и совершенствоваться.*

Гуманистически ориентированные ценности

SOCIAL-CULTURAL FOUNDATION OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA

M. A. Kazakov

The article deals with the topical problems of the national culture; it covers social-cultural foundation of innovat development of Russia.

могут структурировать национальную культуру с учетом их различного значения и роли для формирования инновационной деятельности человека. В этом смысле могут выделяться мировоззренческие, гражданские и собственно инновационные (по отношению к разным сферам и видам деятельности) ценности. Из потенциала последних выберем лишь то, что поведению свободных людей присуще опережающее решение проблем и постоянное самообразование, обучение, которое становится частью инновационной культуры и общей задачей лидеров и простых граждан.

Главное – не мешать учиться, находить все новые источники для обучения и инноваций; не подменять гуманистическую обусловленность инновационных форм поведения идеологической; уметь оценивать и поощрять тех, благодаря убеждениям которых инновации

воплощаются в жизнь. Возможно, тогда инновационный сценарий развития РФ обретет статус общенациональной программы действий. А ее пошаговая реализация, в свою очередь, приведет к формированию национальной культуры, которую можно будет (когда–нибудь) охарактеризовать в духе органической целостности и внутреннего консенсуса.

Список литературы

1. Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России: Монография. Н. Новгород: НГТУ, 2004. С. 260.
2. Панарин А.С. Политология: учебник. Издание второе, перераб. и доп. М.: «ПБОЮЛ С.М. Грачев», 2000. С. 327.
3. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 375.
4. Панарин А.С. Указ. Соч. С. 330.
5. Казаков М.А. Президент поставил задачу. Качественно новую // Нижегородская правда, 2008. 14 февраля. С. 8.
6. Путин В.В. Жить по-человечески. О стратегии развития России до 2020 года // Российская газета, 2008. – 9 февраля.
7. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая пост-индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 129–130.
8. Медведев Д.А. Точки над «И» // Российская газета, 2008. 16 февраля. С. 1, 3.